

UNITED WISDOM

Блатные понятия: тёмное зеркало

Отношения и совместная жизнь

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

E02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Блатные понятия: тёмное зеркало

УГОЛОВНАЯ КУЛЬТУРА · ФИЛОСОФИЯ · РЕЛИГИЯ Блатные понятия Воровские «понятия» — не философия и не религия, но они вырастают из тех же глубинных вопросов: что делать с государством, с трудом, с насилием, с принадлежностью, с самим собой. Тёмное зеркало, в котором узнаются и стоики, и киники, и гностики, и старообрядцы, и крестьянская община — но повёрнутое к насилию, а не к освобождению.

I. Подземный орден

Варлам Шаламов, проведший в колымских лагерях семнадцать лет, оставил формулировку, мимо которой нельзя пройти: «вор — не человек, который украл; можно украсть и даже систематически воровать, но не быть блатным». Блатной — это принадлежность к подземному ордену, к замкнутой касте со своим словом, своей иерархией, своим судом, своим запретом на труд, на семью, на государство.

Шаламов писал об этом ордене как о язве, которую нужно вырезать. Но он же первый понял, что это явление — не просто уголовщина. Это культурная форма. И как любая культурная форма, она собрана из узнаваемых элементов: круговая порука русской общины, отказ от мира у странников-беспоповцев, аскетическая иерархия монашеского устава, языческое представление о ритуальной нечистоте, гностическая вражда к «чужому» миру. Из этих элементов сложен кодекс, который называет себя «понятиями» и претендует на то, чтобы быть законом, более старым и крепким, чем закон государственный.

II. Зачем это разбирать

Не для оправдания. И не для романтизации, которой так увлеклась русская литература девятнадцатого века и эстрада конца двадцатого. Романтизация была разоблачена Шаламовым раз и навсегда. Разбираем для другого: чтобы увидеть, как одни и те же глубинные вопросы человеческого существования — что делать с насилием, с принадлежностью, с собственным «я», с государством — отливаются в

очень разные формы. И как форма, повёрнутая на сто восемьдесят градусов, может выглядеть точно так же, как её противоположность.

Это исследование вписывается в логику серии. Один источник — много языков.

Иногда тот же источник говорит на языке, обращённом против человека.

III. Что такое «понятия»

«Понятия» — неписаный кодекс поведения, выработанный в советских исправительно-трудовых лагерях в 1930-х годах. Кодифицирован к концу 1940-х.

Серьёзно реформирован в 1970-х по инициативе вора Толи Черкаса. После распада СССР пророс в гражданскую жизнь и сросся с теневой экономикой и государством.

Стержневых пунктов исторически было около десяти. Не работать на государство и не сотрудничать с ним ни в какой форме. Не служить в армии. Не иметь паспорта, насколько возможно. Не иметь семьи, постоянного жилья, имущества. Зарабатывать только воровским ремеслом. Вносить долю в общак — общую кассу. Подчиняться внутреннему суду — сходке. Держать слово, данное другому вору. Соблюдать иерархию каст. Молчать при чужих.

Каждый из этих пунктов имеет историю, и эта история начинается не в 1930-х, а гораздо раньше.

IV. Краткая хронология

В дореволюционной России существовал «воровской мир» — городская субкультура окраин с собственным жаргоном, татуировками, иерархиями. Сельская преступность шла отдельной линией — конокрады, лихие люди — и до уровня ордена не доросла.

В 1917 году революция выпустила криминалитет на волю и одновременно бросила в одни камеры с политическими — что породило новый феномен, «жиганов»: молодых бунтарей, заимствовавших уголовные обычаи, но придававших им политический смысл оппозиции советской власти. Отказ работать, отказ от семьи, отказ от воинской службы — всё это первоначально звучало как идеологический протест.

К началу 1930-х «жиганы» и старые «урки» сошлись в общем коде. В лагерях ГУЛАГа сложилась каста «воров в законе». Государство, нуждавшееся во внутреннем самоуправлении заключённых на стройках века, парадоксально облегчило её

рождение: уголовников объявили «социально близкими», политических — «социально опасными».

В 1941–45 годах часть воров пошла на фронт — нарушив главное табу. После войны они вернулись в лагеря и были встречены прежними как «суки». Развязалась сучья война. Истребление было взаимным и почти полным.

К концу 1950-х традиционных воров оставалось мало, но институт сохранился. К 1970-м, как указывает Александр Гуров, Толя Черкас провёл реформу: разрешил иметь семью и жильё, обложил данью теневых предпринимателей, допустил тактический контакт с

правоохранителями. После 1991 года старый кодекс прорастает в российскую мафию и в коррупционную инфраструктуру государства.

Это короткая хронология. Но внутри неё работают слои, уходящие гораздо глубже.

V. Дореволюционный слой I: артель

Русская артель — добровольное объединение работников, основанное на круговой поруке. В русских артелях не было цеховой принудительности западного образца: никто не запрещал работать тем, кто не записан. Артель собиралась под задачу — строительство, промысел, перегон скота — и расходилась, когда задача выполнена.

Главный принцип: «которой из нас в лицех, на том деньги». Артель отвечает перед заказчиком целиком; внутри сама решает, как распределить ответственность. Если кто-то задолжал — артель платит и потом разбирается со своим. Внутренний суд артели часто был жёстче, чем внешний государственный. Артель имела право самостоятельно судить провинившегося перед миром члена и сама же приводила приговор в исполнение. Внешняя власть это право фактически признавала.

Здесь — родовая черта будущих «понятий»: горизонтальная взаимопомощь плюс внутренний суд, держащий дистанцию от государства.

VI. Дореволюционный слой II: община

Крестьянская община — «мир», «громада» — жила по тому же принципу круговой поруки, но шире: не под задачу, а всей жизнью. Земля принадлежала миру, не отдельному двору; передел шёл по способности обрабатывать; налоги клались на общину, и неисправного должника покрывали соседи.

Сход решал внутренние споры, наделял, наказывал. Государство признавало общину контрагентом и собирало с неё, а не с каждой избы по отдельности. Институт круговой поруки в общине отменён формально только в 1903–1905 годах.

Артель и община — две горизонтальные формы русской социальности. Они существовали бок о бок с вертикальной государственной властью, и между ними была граница. Граница не враждебная, но рабочая: внутри мира свой закон, вовне — государев. Эта двойственность и стала почвой, на которой позднее сложится третья форма — паразитарная.

VII. Дореволюционный слой III: странники-бегуны

Среди старообрядцев-беспоповцев в восемнадцатом веке сложилось радикальное согласие — бегуны, или странники, также называвшиеся скрытниками, подпольниками, голбешниками. Бегуны исходили из того, что антихрист уже воцарился — и воцарился в облике российского государства, в его паспорте, в его податях, в его воинской службе, в его документах. Спасение — только в полном разрыве.

Догматы согласия: не иметь паспорта, не платить налогов, не служить в армии, не иметь имущества, не иметь постоянного жилища, не работать у «замирщёных» — то есть у тех, кто примирился с миром антихриста. Странники жили в скитах, передвигались по дорогам, поддерживались сетью «странноприимцев» — сочувствующих, которые сами не странствовали, но прятали и кормили.

Беспоповство в целом исходило из идеи: благодать священства прервалась, иерархия рухнула, в мире царствует антихрист. Странники довели эту мысль до предела бытового устройства.

Когда читаешь воровской кодекс — никаких документов, никакой армии, никакого сотрудничества с государством, никакого имущества в общепринятом смысле, постоянное перемещение — обнаруживаешь почти буквальное структурное совпадение с догматом бегунов. Совпадение настолько точное, что его трудно считать случайным.

VIII. Что блатные взяли, а что подменили

Структуру они взяли. Смысл — поменяли.

Странник отказывался от паспорта, чтобы не быть отмеченным печатью антихриста, и шёл по дорогам молиться. Вор отказывается от паспорта, чтобы не быть отслеженным милицией, и идёт по дорогам красть. Артель брала круговую поруку, чтобы вместе сделать работу и расплатиться. Воровской мир взял круговую поруку, чтобы вместе уйти от ответственности. Общинная касса собирала на больного и на пожар. Общак собирает на адвоката и на подкуп.

Внешний жест тот же. Вектор — обратный. И эта подмена не косметическая, она структурная: то, что в общине и в скиту служило освобождению от хаоса и от страха, в воровском мире служит порабощению других страхом и хаосом.

IX. Стоик в неволе

Эпиктет был рабом. Хромым рабом, по преданию — потому что хозяин сломал ему ногу. Освободившись, он стал учителем стоической школы, и от него остались «Беседы» и «Энхиридион». В них есть ключевая мысль: подиум и тюрьма — оба места, где можно сохранить свободу выбора. Обстоятельства не делают человека, они только обнаруживают его.

Стоик в неволе принимает порядок мира как разумный — даже если этот порядок повернулся к нему лицом тюрьмы. Свобода — внутри: в том, чтобы не отождествлять «я» с тем, что отнимаемо. Тело, имущество, доброе имя, жизнь — всё это не моё, всё это можно потерять без потери себя.

С блатным здесь есть точка касания. Вор тоже не отождествляет себя с тем, что у него можно отнять. Он презирает имущество — потому что имущество есть привязка к миру, в котором он не хочет жить. Он презирает страх перед заключением — лагерь для него «дом» («дом для ангелов — небо, для вора — тюрьма»). Он презирает работу, потому что работа есть согласие с миром, который он отрицает.

Но различие — в направлении свободы. Стоик отказывается от внешнего, чтобы быть честным с космическим порядком. Вор отказывается от внешнего, чтобы быть свободным от любого порядка, в том числе нравственного. Стоик принимает мир, чтобы стать в нём добрым. Вор отрицает мир, чтобы получить право быть в нём злым. Похожая поза — противоположный смысл.

X. Киник на площади

Диоген Синопский жил в большой глиняной бочке на афинской агоре. Он не платил налогов, не служил, не имел собственности, отказывался от брака, ел на площади, мочился публично, называл себя «гражданином мира» — kosmopolitēs. Кинизм — практическая философия отказа от nomos (греч. nomos), от условности, в пользу physis (греч. physis), природы. Свобода — в том, чтобы не нуждаться. Сила — в parrhesia (греч. parrhēsia), резкой откровенности, говорящей правду в лицо власти. И в anaideia (греч. anaideia), намеренном бесстыдстве, разрывающем сеть мелких приличий.

Блатной мир тоже строится на разрыве с nomos. Тюремная татуировка — публичная декларация принадлежности к миру вне закона. Жаргон — параллельный язык, нарочно непрозрачный для внешнего. Демонстративный отказ от трудоустройства, от семьи, от документов — киническая поза, повторённая через две тысячи лет в Колыме.

Различие — в том, куда ведёт разрыв. Киник возвращается к природе и к человеку как таковому: всякий — гражданин мира, всякий равен в своей животной достаточности.

Блатной возвращается не к природе, а к иной иерархии, ещё более жёсткой: к четырём кастам, к ритуальной нечистоте, к смертной казни за нарушение этикета. Киник срывает условности, чтобы освободить человека. Блатной срывает одни условности, чтобы заменить их другими, страшнее.

XI. Гностик и чужой мир

В гностических системах второго-третьего веков мир сотворён не благим Богом, а низшим существом — Демиургом, или Архонтом, или Иалдабаофом, в зависимости от школы. Истинный Бог — далеко, по ту сторону. Материальный мир — тюрьма, в которой искра света (pneuma, греч. pneuma) заключена в материю. Гнозис — тайное знание о собственной чуждости этому миру — есть пропуск домой, к pleroma (греч. plērōma), полноте Отца.

Из этой схемы исторически вырастали два противоположных типа поведения.

Аскеты — отказ от тела, от пищи, от пола, от собственности: всё материальное есть тюрьма, к ней нельзя привязываться. Антиномианты — наоборот, презрение к материальному закону: моё «я» духовно, поступки тела меня не касаются, я выше

морали. Так называемые борбориты, упоминаемые ересиологами, толковали гнозис именно так — как индульгенцию.

Воровская сознательность ближе ко второму изводу. Мир «фраеров» — чужой, неподлинный, отчуждённый. Я в нём — пришелец, и его законы меня не связывают.

Воровать у этого мира — не грех, а возврат отнятого. Здесь та же мифическая структура: внутри один свет, снаружи — чуждая материя, и нравственное правило, действующее снаружи, на меня не распространяется.

Гностик подлинный, аскет, использовал чуждость мира как мотив возвращения к Богу. Гностик-антиномиант — как лицензию на цинизм. Воровская идея унаследовала второе. Не идею освобождения через знание, а идею индульгенции через чужесть.

XII. Старовер и паспорт

К старообрядцам-беспоповцам уже подходили в разделе о странниках. Здесь — главное: совпадение поведенческого репертуара с воровским кодексом столь точно, что напрашивается прямая преемственность.

Не иметь паспорта — догмат бегуна; норма вора в законе двадцатого века. Не служить в армии — догмат бегуна; норма вора (одно из тех правил, нарушение которого в 1941–45 годах развязало сучью войну). Не платить податей — догмат бегуна; норма вора. Не

работать у «замирщёных» — догмат бегуна; норма вора («не работай на государство, не имей трудовой книжки»). Не иметь семьи — догмат странника, постоянно перемещающегося; норма вора (до реформы 1970-х). Не иметь постоянного жилища — догмат странника; норма вора.

Это не значит, что воры в законе читали староверческие сочинения. Это значит, что один и тот же набор форм возникает в одной культуре дважды — сначала как религиозный отказ от мира, потом как криминальный. И во второй раз он обретает смысл, противоположный первому. Странник уходит от мира, чтобы молиться. Вор уходит от мира, чтобы паразитировать на нём.

XIII. Ниндзё и оябун

Японский якудза имеет свой кодекс — ninkyō (яп. ninkyō), путь чести, выводимый из bushidō (яп. bushidō), пути воина. Структура клана: oyabun (яп. oyabun) — отец, kobun (яп. kobun) — сын. Кодекс запрещает воровство у простых людей, продажу наркотиков, грабёж, насилие над женщинами. Нарушение карается ритуалом yubitsume (яп. yubitsume) — отрезанием фаланги мизинца, который посылается оябуну в знак раскаяния. Якудза, в своей идеализации, мыслит себя «справедливой силой», помогающей слабым: после землетрясений в Кобе и Тохоку якудза первой открывала свои офисы для пострадавших.

С воровскими понятиями совпадает многое: внутренняя вертикаль с почти семейной риторикой, табу на сотрудничество с властью (правда, добавленное в кодекс якудза сравнительно недавно), запрет внутренней междоусобицы, ритуальное наказание за нарушение.

Различий два. Первое: ninkyō по уставу запрещает наживу за счёт «простых людей» — миф об этом запрете, хоть и часто нарушается, остаётся декларативным стержнем. Воровские понятия такого запрета не знают: «фраер» — это всякий, кто живёт в мире, который вор отрицает, и обкрадывание фраера есть законное действие. Второе: якудза выросла на конфуцианско-самурайском субстрате, где иерархия и долг — позитивные ценности. Воровские понятия выросли на разрыве с ценностями страны, и сама иерархия в них держится на страхе, а не на верности отеческому образу.

XIV. Омерта

Сицилийская мафия выработала omertà (ит. omertà) — кодекс молчания. Не сотрудничать с государством. Не доносить. Не свидетельствовать. Все споры решать внутри. Семья — высшая лояльность; «семья» здесь — не кровная, а мафиозная.

Структурное сходство с воровскими понятиями почти полное. Различие — в обёртке.

Мафия унаследовала католическую риторику семьи, крестного отца, обряда вступления через клятву и кровь. Воровские понятия выросли в среде, где религиозная риторика была сорвана советской властью, и заменили её собственной — лагерной, татуированной, площадной.

Но в обоих случаях работает одна и та же логика: закрытая мужская группа, выстраивающая параллельное государство со своим судом, своей кассой, своей армией и своим кодексом молчания. Это, возможно, антропологическая константа — везде, где центральное государство недостаточно укоренено, такая параллельная структура вырастает сама собой. Сицилия, Кавказ, юг Италии, юг США в эпоху сухого закона, российские лагеря — всё это вариации одного механизма.

XV. Четыре касты

В советских и постсоветских лагерях сложилась иерархия из четырёх основных каст: блатные (или чёрные), мужики, козлы (сотрудничающие с администрацией), обиженные (или петухи). Между ними — жёсткие границы: переход вниз возможен, наверх — нет.

Это поразительно напоминает индийскую систему jāti (санскр. jāti), варн по рождению. Блатные — аналог брахманов-кшатриев, элита, носители «закона».

Мужики — вайшьи, основная масса трудящихся, тех, кто работает и платит долю.

Козлы — отступники, переходящие в обслугу. Обиженные — далиты, неприкасаемые, заражающие нечистотой всё, к чему прикасаются.

Сходство не литературное. Любая закрытая система, где невозможен внешний обмен и невозможна апелляция вовне, порождает кастовую структуру. Состав групп будет разным, но логика будет такой: верхняя каста носит «закон», средняя его исполняет, нижняя несёт ритуальную нечистоту, освобождая верхних от тяжести скверны.

XVI. Западло

«Западло» — слово, в котором сосредоточена вся тюремная этика. Это не запрет в юридическом смысле: это табу — то, после чего человек перестаёт быть в касте.

Брать пищу из рук петуха — западло. Сидеть на его кружке — западло. Касаться его постели — западло. Перенимать от него предмет — западло.

Это тот же концепт, что левитская tum'a, японский kegare (яп. kegare), индуистский aśauca (санскр. aśauca). Ритуальная нечистота, передающаяся через прикосновение, через предмет, через слово. Защита границы касты от загрязнения.

В религиозной системе такое табу имеет осмысленную функцию: оно отделяет священное от профанного, чистое от трупного, обряд от обыденности. В воровском мире табу осталось без священного. Граница есть, а того, что она защищает — нет.

Защищается чистота касты, у которой нет ничего святого внутри. Это пустая чистота, и поэтому она держится не на смысле, а на жестокости.

XVII. Слово

«Слово вора» — основа понятий. Дал слово — отвечай. Не отвечаешь — теряешь статус. Не отвечаешь за свои слова — становишься «пустобрехом», а пустобрех в воровской иерархии — никто.

Внешне это похоже на присягу средневекового рыцаря, на китайскую конфуцианскую добродетель xin (кит. xìn) — верность сказанному, на арабское aman (араб. amān) — обет. Слово как обязательство — антропологическая универсалия.

Шаламов сорвал этот миф с воровского варианта раз и навсегда. Внутри касты слово, может, и держит. Снаружи касты — нет. Обмануть начальника, фраера, бабу — это не нарушение слова, это доблесть. Слово работает по той же логике, что и табу: только внутри границы. Снаружи нет ни слова, ни лица, ни обязательства, потому что снаружи нет адресата, к которому ты обязан.

Это и есть ключевая разница между этикой и кодексом. Этика — обязательство перед человеком как таковым. Кодекс — обязательство перед своими.

XVIII. Молчание

Молчание в воровском мире двуслойно. Снаружи — омерта, защита группы от государства. Не сдавай, не показывай, не говори лишнего. Внутри — иерархическое: молчи, когда говорит старший, отвечай только по делу, не лезь в чужой разговор.

Внешне это похоже на дзенское молчание и на христианский исихазм. Молчание как дисциплина, как ограждение внутренней работы от внешнего шума. Но в дзене молчание защищает практику, в исихазме — молитву, а в воровском мире — операцию. Та же форма, разное содержимое.

Это, наверное, важнейший принцип, который выносится из всего сопоставления: внешняя форма — никогда не доказательство содержания. Аскеза может быть путём

к Богу и может быть удобной экономикой касты. Молчание может быть медитацией и может быть круговой порукой. Отказ от мира может быть монашеством и может быть

паразитизмом. Сами по себе формы нейтральны. Что в них вливается — определяется тем, к кому и к чему они обращены.

XIX. Общак

Общак — общая касса воровского сообщества. Из него платят адвокатам, поддерживают семьи сидящих, подкупают надзирателей, финансируют операции.

Это вертикальная институция, кодифицированная сходом и контролируемая «положенцами».

Внешняя форма — касса взаимопомощи. Точно такая же, какая существовала в советских школах, поликлиниках, заводских цехах: сослуживцы сбрасывались в общий котёл, и тот, кто оказался в нужде, получал. Точно такая же, какая существовала в дореволюционной артели и в крестьянской общине через круговую поруку.

И вот здесь — точная анатомия подмены. Сама форма кассы не криминальна.

Криминально её назначение. Когда из общего котла кормят больного — это община.

Когда из того же котла финансируют новые преступления — это орден.

В постсоветской истории общак вышел за пределы криминальной среды и пророс в экономику и власть. Чёрная касса, резервный фонд, «общий котёл» олигархата и силовиков — структурно та же институция, что в лагере 1950-х. Это любопытный факт: воровская форма организации денег пережила воровской мир и теперь живёт за его пределами.

XX. Шаламов против Солженицына

В русской традиции есть два главных свидетеля изнутри ГУЛАГа — Александр Солженицын и Варлам Шаламов. Они видели одно и то же: воровской мир в лагере.

Но видели по-разному.

Солженицын — с этической дистанции, со стороны политического заключённого, на которого блатные охотились как на лёгкую добычу. Он допускал, что в воровской традиции есть остатки старой народной этики, что среди воров встречались люди

слова и долга, что система с её жестокостями была всё-таки системой со своими нравственными очертаниями.

Шаламов — изнутри, через семнадцать лет. Он не допускал ничего. Для него блатной мир — «гнусный подземный орден», убивающий человека в человеке. Никакого благородного

вора нет. Все мифы воровской чести разваливаются при первой проверке. Воровская среда заразна, как туберкулёз: соприкосновение её разрушает.

Поэтому — «блатной мир должен быть уничтожен», и это не публицистическая фигура, а нравственный диагноз.

Между этими двумя позициями надо выбирать, и выбирать в пользу Шаламова. Не потому, что он был злее, а потому, что он был трезвее. Романтизация воровского мира в русской культуре — от блатных песен до сегодняшних сериалов — была эстетическим прикрытием насилия. Шаламов снимает прикрытие. Под ним — не свобода, не аскеза, не закон, не честь. Под ним — экономика страха, паразитирующая на тех, кто работает.

XXI. Чему здесь учиться

Не блатным понятиям, разумеется. Но самой их анатомии — учиться стоит.

Любая закрытая мужская группа без внешней апелляции и без вертикали смысла генерирует кастовую структуру, ритуальную нечистоту, кодекс молчания и общую кассу. Это не русская специфика. Это антропологическая константа. Сицилийская мафия, японская якудза, тюремные банды в Латинской Америке, дедовщина в армии, инициации в корпоративных культах, замкнутые субкультуры на любых широтах — всюду тот же скелет.

Из этого следует практическое. Если ты оказался в группе, где появилась внутренняя каста, внутреннее табу, внутренний общак и обязательное молчание перед внешним — это сигнал. Группа не обязательно криминальна. Группа закрыта. И закрытость без вертикали смысла — это форма, которая тянет к воровскому полюсу автоматически.

К полюсу страха, ритуальной чистоты, паразитизма.

Открытость — единственное лекарство. Не наивная прозрачность, не отсутствие приватности, а постоянная апелляция к чему-то, что больше группы. К работе. К человеку как таковому. К правде, говорящейся в глаза, как у киников. К Богу, как у странников. К дхарме, как в индийской традиции. К совести, как в русской. К тому,

что выше, и потому ставит саму группу под суд.

XXII. Тёмное зеркало

Серия называется «один источник — много языков». В большинстве статей мы видели, как разные традиции выражают одно. Здесь — обратный случай. Один материал, повёрнутый разными векторами, рождает противоположные структуры.

Артель и общак: одна форма круговой поруки, разные адресаты. Странник и вор: один отказ от мира, разные мотивы. Стоик и блатной: одна свобода от внешнего, разные направления. Киник и блатной: одна провокация nomos, разные горизонты.

Гностик и блатной: один опыт чужести, разные выходы. Якудза и блатной: один кодекс закрытой касты, разная этическая оболочка.

Это и есть тёмное зеркало. Оно показывает, что форма религиозного отказа от мира и форма криминального паразитизма могут совпадать с точностью до жеста. И различает их только то, чего не видно сразу: к кому обращён жест, ради чего он совершён, что он отрицает и ради чего отрицает.

У стоика отрицание мира — ради верности космосу. У странника — ради молитвы. У киника — ради человека. У гностика — ради света. У вора — ради того, чтобы быть выше тех, у кого он крадёт. В первых четырёх случаях отрицание расширяет. В последнем — сужает.

Понять это — значит научиться не доверять одной форме. Аскеза — не доказательство. Молчание — не доказательство. Отказ от государства — не доказательство. Кодекс чести — не доказательство. Доказательство — только направление. Туда, где жест освобождает, или туда, где он закрывает других в страх.

Один источник — много языков. Но не все языки этого источника говорят о свободе.

Некоторые говорят о власти, маскирующейся под свободу. Это тоже надо уметь слышать.